

О ЕДИНСТВЕ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА (В КОНТЕКСТЕ НОВЕЛЛИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ)

Татьяна Владимировна Сахнова

доктор юридических наук, профессор,
заведующая Кафедрой гражданского процесса
Сибирского федерального университета, Россия
E-mail: civil.law.process@gmail.com

Im Beitrag werden die Probleme der ontologischen Einheit des Zivilprozesses im Kontext der heutigen Gesetzänderungen im Russland analysiert. Hauptidee: Einheitlichkeit des Zivilprozesses und der Zivilprozessform setzt vielartige Gerichtsprozeduren, die durch Methoden des Gerichtsschutzes als besondere Tätigkeit vereinigt sind, voraus. Die Prozessform hat selbstständige Gesetzmäßigkeiten, die die funktionelle Grundlage für der Prozesseinheitlichkeit und gleichzeitig für die Prozessvielfältigkeit bilden.

Единое процессуальное пространство становится в России законодательной реальностью: в декабре 2014 года Комитетом Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации одобряется Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹. Практически одновременно – в феврале 2015 года – принимается Кодекс административного судопроизводства².

Разработка единого ГПК РФ покоится на идее онтологического единства цивилистического процесса – при многообразии судебных процедур³. Унификация процессуальной формы судебной защиты при дифференциации процессуальных средств и способов, воплощаемых в судебных процедурах, – двуединая тенденция современного цивилистического процесса, получившая наглядное отображение в правовых реформах XXI века разных стран (России также). Можно утверждать: горизонтальная гармонизация цивилистического процесса обретает законодательные очертания.

Основу предмета регулирования цивилистического процессуального права составляет собственно гражданский процесс (в его онтологическом смысле); в предмет правового регулирования входят также отношения процедурного характера, не вписанные в цивилистическую

¹ См.: Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ. *Экономика и жизнь*, 17 декабря 2014 г.; О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: Пост. Пленума ВС РФ от 17 февраля 2015 г. № 7.

² 25 февраля 2015 г. Советом Федерации РФ одобрен Федеральный закон «Кодекс административного судопроизводства», принятый Государственной Думой в третьем чтении 20 февраля 2015 г., который предполагается ввести в действие с 15 сентября 2015 г.

³ Авторский взгляд по этому поводу см.: САХНОВА, Т. В. О концепте единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (заметки по поводу). *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1.

процессуальную форму, но являющие собой способ осуществления судебной власти в процедурно-цивилистической сфере. Наконец, конституционализация цивилистического процесса и законодательное допущение аналогии закона и аналогии права позволяют включать в предмет цивилистического процессуального права отношения, не урегулированные нормой процессуального законодательства, но имеющие по своей сущности цивилистический процессуальный характер. Будущий единый Гражданский процессуальный кодекс призван отразить все богатство предмета цивилистического процессуального права. Одновременно, как полагаем, может быть минимизирован известный доктринальный (и правоприменительный) «разрыв» между категориями «право» и «закон».

Процесс не существует без процедуры – но процедуры возможны вне процесса; процессуальная форма – не совокупность процедур (хотя бы и судебных), но имеет собственные базисные принципы и признаки, выработанные всей историей развития цивилистического процесса как социального феномена и наиболее полно отражаемые исковым производством, вобравшим их в себя исторически. Исковой процесс стал стержневой основой цивилистической процессуальной формы, которая образует то древо, уходящее корнями в глубь веков, вокруг которого только и способны плодотворно развиваться и новые процессуальные, и непроцессуальные, но судебные, процедуры.

Функциональной предпосылкой к разработке концепта единого ГПК РФ стало объединение высших судебных инстанций в 2014 г. Закон о поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации»⁴ знаменовал принципиальное изменение в организации и функционировании судебной системы России: Верховный Суд стал единой и единственной высшей судебной инстанцией⁵. Это *de facto* давно назревшее решение позволяет преодолеть дуализм судебной системы России, создав основу для ее функционального единства. При этом не только сохраняются системы судов общей юрисдикции и арбитражных судов, но предполагается их дальнейшая специализация – например, свершившимся фактом стало создание в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам⁶. Одновременно меняется редакция п. «о» ст. 71 Конституции РФ, согласно которому к ведению Российской Федерации относится *процессуальное законодательство* (а не гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное законодательство, как было ранее).

Итак, не только доктринально, но законодательно находит признание идея о единстве цивилистического процесса и функциональном единстве судебной системы, что не только не исключает – но предполагает и судебную специализацию, и разнообразие судебных процедур. Правовые реформы в обозначенном направлении демонстрируют также практическое осознание того, что процессуальная форма и форма защиты определимы не видом юрисдикционных органов, но – их функциями и сущностью методов судебной защиты. Наличие специализированных судов не означает множественности форм защиты или корреспонденции типу судопроизводства. Вопрос о специализированном суде – это вопрос подсудности, а не формы защиты; функционального единства судебной системы – но не диверсификации и разобщенности процесса.

---

⁴ *СЗ РФ*, 2014, № 6, ст. 548.

⁵ По Конституции РФ 1993 г. системы государственных судов – общей юрисдикции (во главе с Верховным Судом РФ) и арбитражных судов (во главе с Высшим Арбитражным Судом РФ) – действовали и организационно, и функционально независимо друг от друга.

⁶ См.: О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов суда по интеллектуальным правам: ФКЗ от 6 декабря 2011 г. № 3-ФКЗ. *СЗ РФ*, 2011, № 50, ст. 7334 (с послед. изм.). Начало действия Суда по интеллектуальным правам – 3 июля 2013 г.

Образно говоря, будущий единый ГПК РФ призван стать процессуальным воплощением Конституции в сфере судебной защиты.

Но не идет ли вразрез с этой тенденцией создание Кодекса административного судопроизводства (КАС), который разрабатывался вне связи с концептом единого ГПК РФ? – По своей структуре КАС – процессуальная калька ГПК РФ. Его основное содержание составили изымаемые⁷ из ГПК РФ (подраздел III раздела II) нормы, регулирующие производство по делам, возникающим из публичных правоотношений, изменившие (в КАС) свое название на: «дела из административных правоотношений; административные дела». К предмету правового регулирования КАС добавлены также заимствованные из ГПК дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок, дела особого производства о госпитализации гражданина в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, в недобровольном порядке и психиатрическое освидетельствование в недобровольном порядке. Одновременно в КАС вводятся понятия «административный истец», «административный ответчик» (ст. 38, 41, 43 и др.), «административный иск», «административное исковое заявление» (глава 7, глава 12 и др.). – Меняют ли эти законодательные реалии концепцию единого цивилистического процесса? – На наш взгляд, нет. Более того, – несмотря на известную противоречивость в подходах законодателя – полагаем, речь идет об ином: о процедурной дифференциации цивилистического процесса при сохранении онтологически единой цивилистической процессуальной формы и сущностной универсализации цивилистического процесса – под эгидой идеи горизонтальной гармонизации.

Никакой новой процессуальной формы или новой судебной формы защиты принятием КАС не создается. Механический перенос норм из одного источника правового регулирования в другой их природы изменить не способен. Процедуры, составившие содержание КАС, – суть частный случай цивилистических процессуальных процедур.

«Развернем» сформулированные тезисы.

Один из аргументов в пользу создания Кодекса административного судопроизводства можно было бы увидеть в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ 1993 г., закрепляющей типы судопроизводств, в числе которых – наряду с гражданским судопроизводством – названо административное судопроизводство. Это породило многолетние дискуссии относительно соотношения данных типов судопроизводств, которые плодотворными назвать трудно, – по той причине, что «внедрение» административного судопроизводства в контекст ст. 118 Конституции РФ самостоятельного концептуального основания не имело. На практике это привело к двусмысленности толкования, а именно: (1) административное судопроизводство понималось как часть цивилистического процесса (вид производства, элемент его горизонтальной дифференциации) – позиция, выработанная в постановлениях Конституционного Суда РФ, Высшего Арбитражного Суда РФ⁸; (2) административное судопроизводство виделось как особый порядок рассмотрения

---

⁷ См.: О проекте федерального закона № 246965-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: Пост. ГД ФС РФ от 17 февраля 2015 г. № 6074-6Д.

⁸ См., напр.: п. 5, ч. 3 п. 7 Постановления КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации...», п. 2.1 Постановления КС РФ от 17 января 2008 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности положений статей 9 и 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статей 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации...»; Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного

административных дел по правилам КоАП, который не относим к цивилистическому процессу и представляет собой *иной* судебный порядок, – позиция, выработанная в ряде постановлений Верховного Суда РФ⁹. При таком положении дел одним фактом принятия Кодекса административного судопроизводства дилемма типов (не видов) судопроизводств, порожденная ч. 2 ст. 118 Конституции РФ, не решаема – и не может быть решена.

В традиции российской процессуальной мысли, начиная со второй половины XX века, гражданская процессуальная природа а) правовых норм, регулирующих судебное рассмотрение дел, возникающих из административных (по ГПК РСФСР 1964 года; по ГПК РФ 2002 года – из публичных) правоотношений, как и б) судебного производства по таким делам сомнению не подвергалась¹⁰. Дискуссии середины XX века по этой проблеме были связаны с различным пониманием так называемой административной юстиции и ее возможным законодательным воплощением. За истекшие годы и законодатель, и доктрина ушли вперед, и теории «судебного контроля», «административной юстиции», сыграв свою роль, уходят в прошлое. Цивилистический процесс обретает иное бытие – его материализация становится правовой реальностью. Проблему защиты правовых благ в сфере публично-правовых отношений мы полагали бы правильным *de lege ferenda* рассматривать именно с таких позиций.

К сожалению, Кодекс административного судопроизводства к этому оказался не готов.

Обратим внимание на две «новеллы», появившиеся в новом кодексе:

1. КАС «понижает» статус дел, возникающих из публичных правоотношений, именуя их административными делами. – Полагаем, это онтологическая ошибка.

Категория «производство по делам, возникающим из публичных правоотношений» родилась в ходе десятилетних реформ российского процессуального законодательства (1993-2002) и безусловно отражала знаковые изменения в концепте судебной защиты прав, свобод и законных интересов в сфере именно публичных (а не только административных) отношений – как процессуальный опосредованный способ защиты конституционных прав и свобод. Любой спор с публичной властью мог стать предметом судебной защиты – в этом пафос производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, закрепленного ГПК РФ 2002 г. Бесспорно, дела из публичных правоотношений – не синоним дел из административных правоотношений. Последние – лишь частный случай первых. И это – вопрос не герменевтики, но концепта судебной защиты.

2. КАС вводит термины «административный истец», «административный ответчик», «административный иск» – означает ли это законодательное рождение административного иска в России? – Полагаем, ответ следует дать отрицательный.

Иск всегда связан с (1) непосредственной защитой (2) субъективного права. Непосредственность судебной защиты и спорное субъективное право – неперенные предпосылки исковой защиты. Ничего подобного в КАС мы не наблюдаем.

процессуального кодекса Российской Федерации», Постановление Президиума ВАС РФ от 4 октября 2005 г. № 7445/05.

⁹ См., напр.: п. 9 Постановления Пленума ВС РФ от 20 января 2003 г. № 2 «О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации» (п.8-10 впоследствии исключены п. 33 Постановления Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»). Однако суть подхода ВС РФ остается прежней, что нашло отражение в п. 17 Постановления Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 2.

¹⁰ См.: *Курс советского гражданского процессуального права*: в 2-х тт. Т. 2. Отв. ред. А. А. Мельников. М., 1981, с. 140–141.

Концептуально административный иск корреспондирует субъективному публичному праву. И хотя такая конструкция доктриной была опробована¹¹, законодательство России не восприняло идею субъективного публичного права.

Категория субъективного публичного права связана с рождением в конце XIX – начале XX века публично-правовой теории иска, когда право на иск осмысливалось как публично-правовое притязание к государству в лице суда (*H. Degenkolb, A. Wach, E. A. Нефедьев*)¹². Георг Йеллинек был, пожалуй, первым, кто выявил эти методологические истоки субъективного публичного права¹³. Право на иск – в контексте публично-правовой теории иска – стало исторически первым субъективным публичным правом. Логическое следствие развития этого взгляда – теория социального процесса Франца Кляйна¹⁴, которая и в XXI веке сохраняет свое методологическое значение для законодательного реформирования в странах, воспринявших публично-правовой концепт цивилистического процесса.

Цивилистический процесс России пошел по иному пути и не воспринял публично-правовую концепцию процесса, а вместе с ней – и категорию субъективных публичных прав. Однако главный акцент мы бы сделали на ином: не на «статике» тех или иных компонентов при анализе исковости и определении характера судебной защиты (исковой – не исковой), – а на динамическом *соотношении* иска, субъективного права, процесса, которое – вне зависимости от понимания природы иска и концепта процесса – изменений на протяжении последних двух веков не претерпело.

Как известно, цивилистический процесс, «оттолкнувшись» от римской парадигмы *actio habere-ius habere*, пережил ее отрицание в середине XIX века, когда она трансформировалась в свою противоположность *ius-actio* (усилиями немецкой исторической школы). Самое яркое проявление этого – материально-правовая теория иска, основы которой заложены Ф. К. Савиньи Г. Пухтой¹⁵, и которая, пожалуй, дала самые богатые и красивые научные построения, связанные с осмыслением взаимосвязей иска и субъективного права. Ее методология оказалась чрезвычайно устойчивой. И хотя осознание измененной парадигмы присутствовало (Б. Виндшайд¹⁶), на теоретические построения того времени это не оказало принципиального влияния. На наш взгляд, Б. Виндшайдом были заложены основы нового видения иска и соотношения с субъективным правом, которые в полной мере не оценены и поныне (процессуальной теорией воспринята лишь его идея о *притязании* (*Anspruch*), ставшая классикой в понимании иска). Торжество в немецкой юриспруденции начала XX века публично-правовой концепции иска не меняло базовой методологии, которая по-прежнему строилась на соотношении *ius-actio*.

Процессуальная доктрина середины XX века пошла по компилятивному пути в стремлении объединить достоинства материально-правовой и публично-правовой концепций в единую кон-

¹¹ См., напр.: РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, А. А. *Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование*. М., 1913.

¹² См.: WACH, A. *Handbuch des deutschen Civilprozessrechts*. Leipzig, 1885; DEGENKOLB, H. *Einlassungszwang und Urteilsnorm – Beiträge zur materiellen Theorie der Klagen insbesondere der Annerkennungsklagen*. Leipzig, 1877; НЕФЕДЬЕВ, Е. А. *Учение об иске*. Казань, 1885. Из НЕФЕДЬЕВ, Е. А. *Избранные труды*. Краснодар, 2005, с. 61 и след.

¹³ См., напр.: JELLINEK, G. *System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Tübingen, 1919 (3. Auflage; 1. Auflage – 1892), S. 119–120 ff. В последующем такой подход был воспринят законодательством Германии. См. об этом в ретроспективе: ГОРДОН, В. М. *Иски о признании*. Ярославль, 1906, § 1 главы третьей.

¹⁴ См.: KLEIN, F. *Der Zivilprozess Österreichs*. Mannheim; Berlin; Leipzig, 1927.

¹⁵ См.: SAVIGNY, F. *System des heutigen römischen Rechts*. 1841. Bd. V, S. 3, 4–5 ff.; PUCHTA, G. F. *Pandekten*. 1 & 2. Auflage. Leipzig, 1832–1844, § 81.

¹⁶ См.: WINDSCHEID, B. *Die Actio des römischen Civilrechts vom Standpunkt des heutigen Rechts*. Düsseldorf, 1856, S. 2–7 ff.; WINDSCHEID, B. *Die Actio*. Abwehr gegen dr. Theodor Muther. Düsseldorf, 1857, S. 3–11.

струкцию иска¹⁷. Вряд ли можно признать плодотворным попытку арифметического соединения парадигмально противоположных явлений (*actio-ius* или *ius-actio*). Однако признание такой подход получил повсеместное.

Правовые реформы XXI века обозначили, по нашей оценке, новый этап: право, развиваясь по спирали, возвращается к истокам; историческая парадигма *actio habere-ius habere* обретает новое дыхание, с новым наполнением возвращаясь в правовую жизнь. Это «новое наполнение» мы видим в первую очередь в методологии процесса, в методах судебной защиты. Акценты в формуле *actio-ius* переносятся со статики (элементы *actio*; структура *ius*; предмет и объект защиты) – на их динамическое *соотношение*, взаимосвязи, которые наглядно выражаемы в процессе через иск, понимаемый как определенное процессуальное действие, с одной стороны – выражающее соотношение притязания и предполагаемого (истцом) объекта защиты, с другой – выражаемое в процессуальной деятельности заинтересованного лица, движимой частным интересом как функцией. Это также означает, что сложившаяся веками, испытывавшая на себе «в снятом» виде воздействие соотношения «предмет-объект процесса», цивилистическая процессуальная форма сегодня достаточно сильна, чтобы стать родоначальницей различных судебных процедур, не боясь утраты собственной сущности. Именно этот процесс мы сегодня и наблюдаем. И именно с этих позиций полагаем правильным оценивать и современные законодательные реформации.

Возвращение – на ином, методологическом, уровне – к парадигме *actio-ius* было подготовлено правовыми реформами последних двадцати лет.

Попытка создать непосредственный механизм судебной защиты конституционных прав и свобод в России предпринималась в ходе создания ГПК РФ 2002 г. (проект ГПК 1995 г.). Однако эту проблему нельзя решить только процессуальными средствами. Регулятивное правоотношение относительно конституционного права существует между гражданином и государством, но реализация конституционного права – по общему алгоритму – предполагает возникновение регулятивных правоотношений с участием определенного органа (должностного лица), призванного в силу компетенции обеспечить реализацию конституционного права. В случае правовой коллизии возникает правовой спор (но не спор о праве!) между гражданином и органом государства (муниципальным органом, должностным лицом, государственным или муниципальным служащим). Оспаривая в суде незаконность действия органа, должностного лица гражданин *опосредованно* защищает конституционное право, но в наличном процессе непосредственным объектом судебной защиты выступает законный интерес. По этой – методологического свойства – причине в ГПК 2002 г. вернулись к концепту опосредованной судебной защиты конституционных прав. Вместе с тем, нельзя не отметить принципиальное достижение ГПК 2002 г.: по существу, кодекс создал универсальный механизм судебной защиты законных интересов, связанных с реализацией конституционных прав. Любые акты, решения, действия (бездействие) органов, должностных лиц и иных субъектов, наделенных публичными полномочиями, могли быть оспорены в судебном порядке – при наличии у заявителя частноправового интереса к тому. Категория «публичные правоотношения» по ГПК РФ 2002 г. носила не герменевтический, но онтологический смысл; знаменовала новый качественный уровень – выходя-

---

¹⁷ Это – общий алгоритм, выработанный т. н. «комплексной теорией», который воплотился в различных научных представлениях о соотношениях иска, права на иск, субъективного права. См., напр.: ГОРДОН, В. М. *Иски о признании*. Глава III, § 3. Ярославль, 1906; ДОБРОВОЛЬСКИЙ, А. А. *Исковая форма защиты права*. М., 1965; КЛЕЙНМАН, А. Ф. *Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессуальном праве*. М., 1959; KENGYEL, M. *Rechtsschutzanspruch und Rechtsschutzbedürfnis: Beiträge zur Theorie des Klagerechts*. Pecs, 1987; KOLLMANN, A. *Begriffs- und Problemgeschichte des Verhältnisses von formellen und materiellem Recht*. Berlin, 1996.

щий далеко за рамки так называемой «административной юстиции» – в создании процессуальных гарантий реализации конституционных прав и свобод – и в сравнении с процессуальными кодексами других стран.

Кодекс административного судопроизводства новой методологии судебной защиты не создает – но, к сожалению, стремится достижения ГПК РФ «втиснуть» в «прокрустово ложе» концепта административной юстиции. Вместе с тем, природы судебных процедур это не меняет – она гносеологически и онтологически производна от цивилистической процессуальной формы как исторически сложившегося феномена, которая сама была рождена иском.

Сравним: судебные процедуры рассмотрения дел по обжалованию административных взысканий имеют характер специальных – по отношению к судебным процедурам рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений (как и сами дела, возникающие из административных правоотношений, суть частный случай дел, возникающих из публичных правоотношений). Точно так же процедуры судебного рассмотрения дел, возникающих из публичных правоотношений, суть частный случай цивилистической процессуальной формы, подчиненный ее общим закономерностям. Такие процедуры могут быть квалифицированы как специальные – по особенностям методов судебной защиты, иному (в сравнении с исковым порядком) соотношению частного и публичного, значительным удельным весом полномочий суда *ex officio*, что обусловлено необходимостью процессуальной гармонизации правоотношений по судебной защите.

Дифференциация судебных процедур не только не предполагает диверсификации процесса и процессуальной формы – но, напротив, методологически призвана выполнять прямо противоположную функцию: содействовать онтологическому единству цивилистического процесса, обеспечивая, с одной стороны, свободу его развития, с другой – сохраняя системообразующий стержень.

Такое понимание корреспондирует и сущности родовой категории «деятельность», содержание и классифицирующие критерии которой определяемы спецификой методов: деятельность квалифицируется по ее методам, но не предмету и объекту. Особенности методов деятельности неразрывно связаны с функцией деятельности, понимаемой как ее внутренняя составляющая и направляющая (но не как элемент объекта или цели, – заблуждение, распространенное в юриспруденции). В цивилистическом процессе такую роль выполняет интерес – как его содержательная составляющая, определяющая траекторию движения процесса. Цивилистическая процессуальная форма, характеризующая динамическую составляющую процесса, определяющая порядок и последовательность процессуальных действий и процессуальной деятельности в целом, – суть выражение вовне методов и средств правосудия. Соответственно, судить о природе той или иной судебной процедуры или вида производства в процессе следует по воплощенным в них методам.

Ни предмет, ни объект, ни орган защиты, ни – тем более – источник правового регулирования – не предопределяет правовой сущности процедур, посредством которых судебная защита осуществляется.

Современный меняющийся мир демонстрирует богатство взглядов на цивилистический процесс и разнообразие его национальных законодательных концептов. Однако при любом подходе акценты в исторической формуле *actio habere-ius habere* переносятся со статичных элементов (предмет процесса, объект процесса – что было свойственно доктрине и XIX, и XX веков) на динамические – методы и методологию процесса, выражающие онтологию соотношений и связей «внутренней» ипостати процесса.

Материализация цивилистического процесса и субстанционализация права на судебную защиту объясняет (и предполагает) сущностную универсализацию иска, сопряженную с воплощением аксиологических ценностей процесса в законодательно оформленных методах защиты

и их процессуальных гарантиях. Развиваясь «вширь», иск одновременно углубляется «в себя», демонстрируя исковость через методы защиты, которые – в свою очередь – выходят на первый план в горизонтальной структуризации цивилистического процесса.

Иск не только сохраняет свое «собственное лицо» и главное и системообразующие значение для инструментария судебной защиты. Он обретает более свободную жизнь в соотношении частного и публичного в методах процесса, давая возможность развиваться и иным, неисковым по природе судебным процедурам, которые, тем не менее, связаны с иском (в римском понимании *actio*) через процессуальную форму, иском исторически порожденную. Это глубинная, не разрываема субъективным усмотрением, «материнская» связь, которая не только не ограничивает, но обеспечивает простор развитию различных судебных процедур.

Единство цивилистического процесса предопределено всей онтологией его становления и развития. Эволюция иска, различные современные национальные законодательные концепты цивилистического процесса, актуализация судебных и несудебных процедур и даже противоречивые законодательные решения – подтверждают жизнеспособность и неисчерпаемость испытанной веками парадигмы *actio habere-ius habere* – как необходимой методологической основы для создания гармоничного законодательного механизма судебной защиты.

ЛИТЕРАТУРА

Нормативные акты

1. Конституция Российской Федерации: в редакции Закона поправке к Конституции РФ от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации». *СЗ РФ*, 2014, № 6, ст. 548.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (от 14 ноября 2002 г., с последующими изменениями).
3. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «Об арбитражных судах в Российской Федерации» в связи с созданием в системе арбитражных судов суда по интеллектуальным правам: ФКЗ от 6 декабря 2011 г. № 3-ФКЗ. *СЗ РФ*, 2011, № 50, ст. 7334 (с последующими изменениями).
4. Кодекс административного судопроизводства (принят Государственной Думой ФС РФ 20 февраля 2015 г.).

Законопроекты

5. Концепция единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: одобрена решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству ГД ФС РФ 8 декабря 2014 г.
6. О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта федерального закона «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации и Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 февраля 2015 г. № 7.
7. О проекте федерального закона № 246965-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации»: Пост. ГД ФС РФ от 17 февраля 2015 г. № 6074-6Д.

Постановления Конституционного Суда Российской Федерации,

Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации,

Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации

8. По делу о проверке конституционности отдельных положений пункта 2 части первой статьи 27, частей первой, второй и четвертой статьи 251, частей второй и третьей 253 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации <...>: Постановление КС РФ от 27 января 2004 г. № 1-П.

9. По делу о проверке конституционности положений статей 9 и 10 Федерального конституционного закона «Об арбитражных судах в Российской Федерации» и статей 181, 188, 195, 273, 290, 293 и 299 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации <...>: Постановление КС РФ от 17 января 2008 г. № 1-П.

10. О некоторых вопросах, связанных с введением в действие Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВАС РФ от 9 декабря 2002 г. № 11.

11. О некоторых вопросах, возникших в связи с принятием и введением в действие Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума ВС РФ от 20 января 2003 г. № 2.

12. Постановления Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 2 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании решений, действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, государственных и муниципальных служащих»: Постановление Пленума ВС РФ от 10 февраля 2009 г. № 2.

Специальная литература

13. ГОРДОН, В. М. *Иски о признании*. Ярославль, 1906.

14. ДОБРОВОЛЬСКИЙ, А. А. *Исковая форма защиты права*. Москва, 1965.

15. КЛЕЙНМАН, А. Ф. *Основные вопросы учения об иске в советском гражданском процессуальном праве*. Москва, 1959.

16. *Курс советского гражданского процессуального права*: в 2-х тт. Т. 2. Отв. ред. А. А. Мельников. Москва, 1981.

17. НЕФЕДЬЕВ, Е. А. *Учение об иске*. Казань, 1885. Из НЕФЕДЬЕВ, Е. А. *Избранные труды*. Краснодар, 2005.

18. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, А. А. *Теория субъективных публичных прав: критико-систематическое исследование*. Москва, 1913.

19. САХНОВА, Т. В. О концепте единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (заметки по поводу). *Вестник гражданского процесса*, 2015, № 1.

20. DEGENKOLB, H. *Einlassungszwang und Urteilsnorm – Beiträge zur materiellen Theorie der Klagen insbesondere der Annerkennungsklagen*. Leipzig, 1877.

21. JELLINEK, G. *System der subjektiven öffentlichen Rechte*. Tübingen, 1919 (3. Auflage).

22. KENGYEL, M. *Rechtsschutzanspruch und Rechtsschutzbedürfnis: Beiträge zur Theorie des Klagerechts*. Pecs, 1987.

23. KLEIN, F. *Der Zivilprozess Össterreichs*. Mannheim; Berlin; Leipzig, 1927.

24. KOLLMANN, A. *Begriffs- und Problemgeschichte des Verhältnisses von formellen und materiellem Recht*. Berlin, 1996.

25. PUCHTA, G. F. *Pandekten*. 1 & 2. Auflage. Leipzig, 1832–1844.

26. SAVIGNY, F. *System des heutigen römischen Rechts*. 1841. Bd. V.

27. WACH, A. *Handbuch des deutschen Civilprozessrechts*. Leipzig, 1885.

27. WINDSCHEID, B. *Die Actio des römischen Civilrechts vom Standpunkt des heutigen Rechts*. Düsseldorf, 1856.

28. WINDSCHEID, B. *Die Actio*. Abwehr gegen dr. Theodor Muther. Düsseldorf, 1857.

ÜBER EINHEITLICHKEIT DES ZIVILPROZESSES (IM KONTEXT DER GESETZESNOVELLEN RUSSLANDS)

Tatyana Sachnova

Z u s a m m e n f a s s u n g

Die gegenständigen Gesetzesnovellen und Gesetzentwürfen im Russland von heute schaffen die Rechtsvoraussetzungen für einheitlichen Prozessraum – d.h., für die Einheit des Zivilprozesses. Die Einheitlichkeit des Zivilprozesses hat selbstständigen onthologischen Wurzeln, die die Geschichte des Zivilprozesses, der Zivilprozessform und der Prozesslehren gezeigt werden.

December 2014 wurde Die Konzeption der einheitliche ZPO Russlands bestätigt. Fast gleichzeitig, Februar 2015, wurde die Administrativprozessordnung (APO), die mit der Konzeption der einheitliche ZPO nicht verbunden ist, angenommen. Methodologisch ist die APO eine prozessuale Lehnübersetzung der ZPO; dem Gegenstand der APO bildet das Gerichtsverfahren der aus der öffentlichen Rechtsverhältnissen entstandenen Sachen, die aus der ZPO entlehnt werden. Außerdem führt die APO die Kategorien "Administrativkläger", "Administrativbeklagte", "Administrativklage" ein. Das hat keine ontologische Sinne: die Gesetzgebung Russlands weist die Kategorie öffentliches Subjektivrecht nicht; russisches Zivilprozess gibt die rechtsöffentliche Prozesskonzeption nicht zu. In diesen Verhältnissen wird richtig die Gerichtsprozeduren der APO als Spezialzivilprozessprozeduren, die den gemeinsamen Gesetzmäßigkeiten der Zivilprozessform untergeordnet sind, zu bestimmen.

Die Rechtsreformen der letzten Zeit werden das romanische Paradigma *actio habere-ius habere* sichtbar. Die Prozessform, die die Auswirkungen der Korrelation "Prozessgegenstand-Prozessobjekt" im 19. und im 20. Jahrhundert erprobt wurde, ist heute stark genug, um der Stammvater der verschiedenen Gerichtsprozeduren (klagbaren und nichtklagbaren) – ohne Angst vor dem Verlust der Essenz – geworden. Dieser Prozess beobachten wir heute in der Gesetzgebungstätigkeit.

Īteikta 2015 m. gegužēs 28 d.

Priimta publikuotī 2015 m. lapkričio 26 d.